

Илья Стогоff

**Апокалипсис вчера:
Комментарий на
Книгу пророка...**

Илья Стогоff

**Апокалипсис вчера: Комментарий
на Книгу пророка Даниила**

«Издательство АСТ»

2009

Стогоff И.

Апокалипсис вчера: Комментарий на Книгу пророка Даниила /
И. Стогоff — «Издательство АСТ», 2009

Несколько лет назад автор взял в банке кредит в \$7900 и улетел в кругосветное путешествие. На то, чтобы объехать планету, у него ушло чуть больше семи недель, а кредит он отдает до сих пор. Дневник журналиста, с риском для жизни совершившего сумасшедший трип по самым загадочным уголкам планеты, стал бестселлером. Спустя некоторое время автор решил дополнить свой дневник кругосветного путешествия новыми страницами. Так появилась эта обновленная версия книги. Не упустите возможность увидеть затерянный перуанский город Мачу-Пикчу, пещерные храмы Элефантины, джунгли Амазонии, проклятые пещеры Аджанты, археологические сокровища Тывы, тибетские монастыри и многие другие невероятные места.

© Стогоff И., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

От автора	5
Пролог: Центральные Анды	6
1	6
2	7
3	8
4	10
1. Гуджарат – Раджастхан	12
1	12
2	14
3	16
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Илья Стогоff

Апокалипсис вчера: Комментарий на Книгу пророка Даниила

*Я видел секретные карты,
Я знаю, куда мы плывем.
Капитан!
Я пришел попрощаться с тобой
И с твоим кораблем.*

*Я видел акул за кормою,
Акулы глотают слюну.
Капитан!
Все акулы в курсе,
Что мы скоро пойдём ко дну...*

*Впереди встает холодной стеной
Арктический лед,
Но никто не хочет и думать о том,
Куда «Титаник» плывет...*
Группа «Наутилус-Помпилиус» (1993 г.)

От автора

В январе прошлого года я взял в банке кредит в \$7900 и улетел вокруг света. На то, чтобы объехать планету, у меня ушло чуть больше семи недель, а кредит я отдаю до сих пор. По пути я вел дневник. Когда вернулся в Петербург, мой издатель предложил его опубликовать, и я согласился. В тексте ничего не было поменяно — я только убрал какие-то чересчур личные вещи. В остальном это тот самый блокнот, который я провез с собой через четырнадцать стран.

Пролог: Центральные Анды

1

Когда я на такси ехал из аэропорта в город, то обратил внимание: улицы Куско выглядят странно. На перекрестках горели автомобильные покрышки. Вдоль тротуаров стояли местные омоновцы в полной боевой выкладке. Перед банками и крупными магазинами группками тусовались охранники. Мужчины нервничали, озирались по сторонам и крутили в руках огромные «кольты». Подвозивший меня таксист не знал по-английски ни слова, но все равно пытался объяснить, что дела обстоят неладно. Он повторял слово «Революция!» и на пальцах объяснял, что из-за этих чертовых беспорядков по городу не проехать.

Я отыскал отель, кинул вещи и поговорил с хозяином. Тот подтвердил: в Куско какой день идут массовые волнения. Но, с его точки зрения, бояться не стоит. Революция – дело внутреннее. Туристы могут и дальше наслаждаться видом инкских руин.

Тем не менее вечер я все-таки решил провести в номере. Курил сигареты и смотрел перуанские новостные каналы. Там без конца показывали идущие в трущобах уличные бои, конфискованное оружие, бьющихся в истерике женщин, окровавленные груды тряпья, разгромленные офисы и полыхающие автобусы. Телевизор ловил также и англоязычный канал CNN, но там о происходящем в Куско не говорили ни слова. Горное Перу – не тот район, который заинтересует приличных телезрителей. Пусть аборигены истребят друг друга хоть поголовно.

2

А за полтысячи лет до того, как я сюда приехал, Куско был столицей инкской империи. Грозные инки разбили княжества Юга, срыли замки воинственных Чачапоя, обложили данью города Побережья, одержали победу в сражениях с владыками Чан-Чана и создали империю, которой не видывал свет. Ну, по крайней мере Новый Свет.

Имперская столица Куско входила тогда в число четырех крупнейших городов планеты. Широченные бульвары, площади, окруженные дворцами и храмами... Однако пришел день, когда этот город обратился в дымящиеся руины. В отряде конкистадора Франциско Писсаро были шестьдесят два всадника и сто один пехотинец. Но этих сил испанцу хватило, чтобы захватить инкскую столицу, казнить правителя империи и вывезти из Куско восемьдесят тонн золота.

Так иногда случается. Империи, которые кажутся вечными, время от времени обращаются в ничто. В битве ни один из испанцев не погиб. Потери среди индейцев исчислялись тысячами. Великая инкская империя перестала существовать. Еще с утра всем казалось, будто она переживет небо. Но уже к вечеру выяснилось, что на самом-то деле все построенное человеком – хрупко и ненадежно.

3

К моей комнате в отеле нужно было подниматься по скрипучей деревянной лестнице. Я все ждал, когда восставшие ее подожгут и мне придется прыгать из окна второго этажа.

Революция создавала кучу проблем. В городе ничего не работало. Поесть или поменять деньги было невозможно. Бродить по улицам после наступления темноты рискнул бы только безумец. Центр города контролировался правительственными войсками, зато окраины перешли в руки восставших, и там, похоже, сразу же наступил военный коммунизм. Белые толпами бежали из Куско. Самолеты взлетали перегруженные, а купить билет на поезд можно было только у спекулянтов за тройную цену. Несколько раз полицейские на улице тыкали мне в грудь своими карабинами и что-то кричали по-испански. Не исключено, что могли и застрелить.

Бродя по центру Куско, я несколько раз наткнулся на митинги. Молодежь несла плакаты и что-то скандировала. Особенно массовой демонстрация была возле древнего дворца Кори-канча. Я постоял, попытался понять, что вообще происходит. Полицейские сперва не вмешивались, но когда демонстранты попробовали прорваться к правительственным зданиям, начали теснить их прочь с проспекта. У перуанских копов была очень красивая форма. Офицеры носили галифе, прошитые между ног кожей, а рядовых нарядили в лакированные шлемы и дали в руки громадные прозрачные щиты. Разгон демонстрации с полтычка перерос в массовую драку. Омоновцы махали дубинками, люди, прикрывая головы, бежали, кто-то оставался лежать на земле. Уходя, я видел, как в «скорую» грузили окровавленных раненых.

Но при всем этом выглядела революция странно. Дело в том, что в малонаселенном Куско на полноценные беспорядки не хватало народу. Во времена инков в центре этого города жило чуть ли не полмиллиона человек. А сегодня – почти в десять раз меньше. Древний Куско слишком велик для своего нынешнего населения. Пара тысяч полицейских да семь-восемь тысяч восставших бледненько смотрелись на фоне циклопических руин. Копы никак не могли перекрыть широченные бульвары, а восставших не хватало на то, чтобы заполнить хотя бы главную городскую площадь.

После обеда я отыскал работающее турагентство (похоже, последнее в городе) и спросил, могут ли они продать мне тур в затерянный город Мачу-Пикчу? Разговаривать со мной вышел толстый усатый сеньор. Он качал головой и говорил, что из-за беспорядков дороги парализованы. Он может продать мне билет до последнего города на шоссе, но дальше там еще нужно проехать километров сорок на паровозике, а паровозик позавчера сожгли.

Новости меня не радовали. Чтобы попасть в Мачу-Пикчу, я сделал здоровенный крюк и потратил целую кучу денег, которых, между прочим, и так осталось немного. И вот теперь выяснялось, что ни в какой Мачу-Пикчу попасть мне все равно не светит. Я вытащил из кармана сигареты и долго пытался прикурить.

Затерянный город был открыт почти сто лет назад американским археологом Бингхемом. Окрестности Куско в то время практически не были исследованы. Для гробокопателей здесь было настоящее раздолье. Американец бродил по горам, ночевал в руинах, общался с местными и в конце концов (точно так же как и я) потратил все взятые с собой бабки. Пора было возвращаться, но буквально за день до отъезда он разговорился с индейским мальчиком. Тот уверял, что неподалеку от их деревни лежит совершенно невиданная штука: целый необитаемый город.

Бингхем спросил, за какую сумму мальчишка согласился бы его туда проводить? Тот ответил, что одного перуанского соль (восемь русских рублей) было бы достаточно. Названная сумма была уплачена, и следующим утром они отправились в путь. А еще спустя сутки американец первым из белых людей увидел Мачу-Пикчу. Затерянный город инков.

Что именно ему удалось открыть – об этом историки спорят и до сих пор. Отвесная скала. У ее подножия выстроены дома. Их деревянные крыши давно сгнили, но каменные стены сохранились отлично. Храмы, дворцы, жилые дома, мастерские, склады, водопровод – все работает. Плюс сто пятьдесят женских могил, включая богатое захоронение умершей от сифилиса верховной жрицы. Вроде бы – живи да радуйся. Но четыреста лет назад жители последний раз прибрались в своих домах, заперли двери, построились в колонны, ушли отсюда, – и исчезли.

Все, что родилось в нашем мире, рано или поздно должно будет умереть. Мне казалось, что если я приеду в этот Мачу-Пикчу и собственными ногами пройду по его мертвым улицам, то смогу лучше понять, почему, черт возьми, все происходит именно так. Почему вместо долгой жизни жители Мачу-Пикчу предпочли непонятную смерть. Однако по всему было видеть, что из затеи ничего не выйдет.

Пока мы разговаривали с толстым туроператором, снаружи послышался звон стекла. Из-за поворота выбежала группка молодых людей. На лица у них были повязаны платки. Они подлетели к стоявшему на перекрестке полицейскому, повалили его на землю и стали избивать ногами и палками. Несколько парней стали швырять камни в витрины и бить лобовые стекла в припаркованных автомобилях. Странно, но окружающие почти не обращали внимания. Старички в кафе продолжали невозмутимо хлебать чай из листьев коки. Индейские женщины спокойно жарили кукурузу.

Наконец революционеры плюнули на полицейского, побросали палки и исчезли за углом. На улице опять стало тихо. Дождавшись, пока я снова на него посмотрю, усатый сеньор продолжал:

– Так вот я и говорю: попасть в затерянный город у вас пока что не получится...

4

Тем не менее сеньор все-таки продал мне билет на рейсовый автобус, который следующим утром уезжал из города. Отправлялся автобус не совсем туда, куда я планировал уехать, но из Куско нужно было по-любому валить.

До автовокзала я шел пешком. Накануне, уже засыпая, я слышал взрывы и довольно оживленную стрельбу. Зато теперь, после беспокойной ночи, город был тих и пуст. Стекло-ванные витрины были укрыты ставнями и заперты металлическими засовами толщиной с руку. Изредка попадались полицейские. Ходить по одному они не рисковали, а набивались в грузовики сразу человек по десять – двенадцать, выставляли наружу дула винтовок и автоматов и в таком виде колесили по проспектам. Увидев меня, каждый раз напрягались и что-то кричали, но, разглядев белое лицо, начинали улыбаться и проезжали мимо.

Я тоже улыбался в ответ. Хотя настроение было так себе. Какой день подряд я просыпался от мысли, что, наверное, скоро умру. Или, пусть даже не очень скоро, но умру обязательно. А перед этим будет еще старость: время, когда я стану смешным, нелепым, не таким, каким хотел бы быть. Эти мысли сводили меня с ума.

Автобус был на месте и, как ни странно, отправился четко по расписанию. Народу в салоне было немного. Сперва мы долго ехали по городским окраинам. Водитель перепуганно озирался и если видел впереди толпу, то сразу же сворачивал в переулок. Кварталы выглядели запущенно даже по перуанским меркам. В бетонных коробках без окон жило сразу по несколько сотен семей. Согласно древним мифам, когда-то на этих склонах родился бог солнца. Но сегодня солнцу было стыдно освещать дыру, в которую превратилась его малая родина.

Обслуживала маршрут целая бригада: водитель, штурман, пара ребят в салоне. Пассажиров со стороны они не брали: только на станциях и только по заранее купленным билетам. В одном месте автобус притормозил на светофоре, и на штурм тут же бросилась целая стая шустрых, как макаки, горцев. Зазвенело разбитое стекло. Парни из автобусной команды действовали слаженно: быстро отбились, и мы поехали дальше.

Как только выбрались из города, водитель сразу поддал газку. С собой в эту поездку я набрал кучу путеводителей и плюс Библию. От путеводителей уже тошнило, так что из рюкзака я вытащил толстую книжку в кожаной обложке. С тех пор как мой самолет улетел из Петербурга, я уже успел прочитать книгу пророка Исайи, а потом еще и книгу пророка Иеремии. Обе мне очень понравились. После Иеремии шел пророк Иезекииль, но его я пропустил и перешел сразу к книге пророка Даниила. Тот как раз рассказывал про свой сон: во сне пророк видел животных.

Сперва (говорил Даниил) он видел льва с орлиными крыльями. Этот сон означал, что вскоре на свете возникнет грозная империя. Однако просуществует она недолго: во сне пророка лев исчез и его место занял медведь, поднявшийся на дыбы. Этот зверь также символизировал грозное царство, но и оно не просуществует вечно: на смену медведю придет леопард с четырьмя головами. Вот уж это царство будет воистину грозным, но и оно падет. Четвертым зверем было создание грозное и ужасное, мощное, с железными зубами и десятью рогами. Стоит ли уточнять, что и это видение означало империю, которая явится, объявит, будто про-стоит вечно, но вскоре исчезнет без следа?

Иногда автобус делал остановки. Я вылезал наружу, выкуривал сигарету. Ламы с грязной шерстью ошипывали кусты. В пыли ковырялись шустрые черноволосые поросята. Что именно имеет в виду пророк Даниил, понимал я отлично. Всем нам, людям, кажется, будто на свете есть что-то вечное. То, ради чего и стоило создавать мир. Но на самом деле ничего вечного на свете не бывает и все, что родилось, рано или поздно умрет. Какими бы грозными ни казались

львы, медведи, леопарды и рогатые чудища, придет момент, когда от них не останется вообще ничего.

К обеду мы доехали до древней индейской крепости Писак. Рядом с остановкой индейцы торговали кукурузой и амулетами. На обочине играли дети. Одна совсем маленькая девочка сидела, свесив ножки с края дороги. Под ее подошвами был приблизительно километр отвесного склона. Мне было не по себе даже смотреть в девочкину сторону, а вот ее родители ничего – не обращали внимания. На склонах гор виднелись остатки старинных стен. Последние лет пятьсот их не реставрировали. Стены обветшали и заросли кактусами. Но даже в таком виде смотрелись они все равно роскошно.

Я хотел бы родиться чуть раньше или чуть позже. Так, чтобы впереди было хоть что-то. Но родился я как раз в тот момент, когда мир очередной раз издох. Сколько их было, этих животных из сна? На протяжении человеческой истории умерло множество империй, так что смерть еще одной большой роли не сыграет. Наверное, не сыграет... Если не принимать во внимание, что в империи, которая развалилась последней, родился я.

Можно утешать себя и говорить, что ничего страшного не случилось: СССР всего-навсего разделил судьбу Египта, Ассирии, Вавилона, Рима, Византии и инков. Был империей, а стал историей – туда ему и дорога. Вскоре так же рухнут США и Китай, но зато появятся какие-то новые звери из сна, и все повторится снова и снова. Однако с тех пор, как умер мой собственный красный Рейх, не до конца живым чувствую себя и я сам. Даже нынешнюю поездку вокруг планеты я затеял, лишь чтобы посмотреть: что именно уцелело от предыдущих миров? Мне хотелось провести инвентаризацию и попробовать угадать: что же тысячелетия спустя останется от нашего мира?

Выяснилось, что не останется ничего. Точно так же, как почти ничего не осталось от Египта, Ассирии, Вавилона, Рима, Византии и инков. Завтра – темно и безнадежно. То есть жить в общем-то и незачем.

Я убрал Библию в рюкзак и немного поспал. Когда проснулся, за окном были все те же горы. Утренние мысли о смерти немного отпустили, но не было никаких сомнений, что завтра прямо спозаранку они вернуться опять.

1. Гуджарат – Раджастан

1

В Бомбей я приехал ночью, а уже на следующий день после обеда должен был двигаться дальше. Времени перед отъездом оставалось разве что съездить на остров Элефантина.

Кораблики уходили прямо от городской набережной. Над Индийским океаном лежал туман. Я закурил сигарету. Вкус у нее был противный. Плыть до Элефантины предстояло больше часа. Из белых, кроме меня, на корабле была только пожилая немецкая тетка. С ней ехал аккуратно одетый молоденький индус. Чтобы никто не усомнился насчет того, что за отношения их связывают, немка всю дорогу тискала паренька, трепала за волосы, пощипывала за ягодички и заставляла целовать себя в старые губы.

Остров появился неожиданно. Море, туман, матрос за штурвалом пытается высмотреть фарватер. И вдруг из тумана выплывает здоровенный потухший вулкан. Картинка напоминала кадр из кино про Кинг-Конга, но не последнего, а старого, еще с Джессикой Ланж в главной роли. Пассажиров высадили на пирсе. Туземец в набедренной повязке прикрутил катер к причалу.

Элефантина знаменита своими пещерными храмами. Когда-то на этом острове поклонялись слонголовоуму божку Ганеше. Правда, тысячу лет назад храмы бросили, и они заросли лианами. Я побродил по пещерам. Внутри было прохладно. Прямо из стен торчали изваяния вымерших богов. Я пробовал снимать их на камеру в своем мобильном телефоне. Фотографии получались темные, нечеткие и не могли передать атмосферу места.

Указатели сообщали, что в глубине острова есть еще несколько пещер, но туда я не пошел. По тропинкам разгуливали стаи обезьян – диких непредсказуемых тварей, ведущих себя хуже, чем бездомные собаки. Стоило мне сделать шаг в их сторону, и обезьяны начинали скалить зубы, рычать и показывать на меня пальцами. Глядя на них, я думал о том, что наш мир населен множеством различных созданий – странных и удивительных. Но самое странное и удивительное из всех – это ты, мой читатель.

Человек – это просто существо, живущее на нашей планете. Мы рождаемся, едим, спим, размножаемся, умираем, а вокруг рождаются, едят, спят, размножаются, умирают другие существа: глубокомысленно-молчаливые рыбы... непонятно, чем там у себя в поднебесье занимающиеся птицы... нарядившиеся в шубки из редких мехов звери.

Но с другой стороны, человек – существо особое. Жуткое, если разобраться, бремя человечности навсегда отделило нас от остального мира. Тоскливо ощущая свое одиночество, шестимиллиардное человечество шарит телескопами по небесам: может, все же не одни, а? И никакое сходство с животными тут не поможет. Мы другие. Ни на что в мире не похожие. Между нами и всем остальным лежит Бездна.

Всегда, впрочем, находились желающие задуматься: а как мы здесь оказались? Как перебрались через Бездну? И перебрался ли кто-нибудь еще? Многие пытались представить этот прыжок... рывок, едва не выкинувший человека из его кожаной одежды, но все-таки перенесший его «сюда», в то время как все остальные остались «там».

Переворот случился век-полтора назад. В ту эпоху главные редактора иллюстрированных журналов договорились между собой: отныне человек не является венцом творения. Человек является такой же частью животного мира, как и прочие биологические организмы. А на другую сторону Бездны он перебрался постепенно. В несколько шагов.

Купите себе в квартиру кабельный ТВ-канал «Discovery», и вам подробно расскажут о начале человеческой истории. О том, как сперва обезьяна научилась ходить на двух ногах...

потом надела на эти ноги штаны... ну а от штанов уже рукой подать и до пиджака. Зверь замер, достигнув определенного уровня. Человек пошел чуть дальше. Но разница между ними не принципиальна. Человек был и всегда будет животным... лысой обезьяной... Бездна же... какая Бездна?.. кто ее видел?

Эти разговоры идут уже столько времени, что все вроде бы согласилось: ну, да... верно... нашим предком было животное, а в начале своей истории человек был пещерным людоедом. И знаете что? Я вовсе не предлагаю вам отказаться от этой позиции. И уж тем более не предлагаю взамен другую. Скажу сразу: мне не известно, как все было на самом деле. Просто, сидя на индийском островке Элефантина, я смотрел на свору грязных и агрессивных животных, которые считаются моими личными родственниками, и не мог найти в них ну ничегошеньки родственного.

2

Все разговоры об эволюции основаны на довольно примитивном фокусе. Трюк заключается в том, что публике предлагают провести два простых сравнения.

Сравнение первое: сравниваются рыба и, например, макака. Вывод: рыба есть существо безмозглое и примитивное. Макака по сравнению с ней – существо более совершенное, обладающее большим количеством навыков и мозговых извилин.

«Правильно?» – интересуются фокусники. «Вроде да...» – отвечает публика, и, пока она не успела опомниться, из рукава извлекается туз: проводим сравнение номер два, сравниваем макаку и человека. Вывод: человек совершеннее макаки ровно настолько же, насколько макака совершеннее рыбы.

Ну, не красота ли?

Ловкость рук здесь заключается в том, что человек отличен от зверя не как десяток от сотни, а как единица от нуля. Отличие здесь качественное. Это разница между «есть» и «нет». Человек может быть высоколбым и вообще читателем Джойса. А может быть тупым и пьяным. Но даже самый тупой человек находится по нашу сторону Бездны, и даже самая смышленная обезьяна – по другую.

Те, кто слепо верит в собственное животное происхождение, максимально упрощают картину: человек поумнел, а зверь нет – вот и вся разница. Интересно, что ум эти люди понимают как способность к игре в шахматы. Однако вслушайтесь в выражение «Ну будь человеком!». Как я понимаю, оно означает не приглашение к совместному философствованию, а что-то другое... что-то вообще из другой области. Граница между человеком и зверем проходит вовсе не там, где ее принято проводить.

Может быть, главная сложность, встающая перед людьми, которые пытаются во всем этом разобраться, состоит в том, что за последние десятилетия шимпанзе и макаки успели покрыться толстым налетом человекообразности. Сломайте этот стереотип. Попробуйте представить, как человек происходил... ну, например, от собаки... существа, практически равного обезьяне по уровню психической организации. Если у вас дома есть собака (домашние обезьяны в наших краях редкость), загляните в ее умные, преданные... но такие не человеческие глаза.

Можете ли вы представить, чтобы, пребывая не в духе, она взяла, да и замурлыкала под нос грустную песенку – а ведь что может быть естественнее? Можете ли вы вообразить боевого пса, который оттяпал бы поверженному сопернику ухо (на трофей!) – а ведь считается, что наши полуживотные предки поступали так постоянно. Слышали ли вы, чтобы некая кокетливая болонка решила красоты ради воткнуть себе за ошейник перышко... или хотя бы почистить зубы?... Вернее, поставлю вопрос не так: слышали ли вы хоть об одной самке вида *хомо сапиенс*, которая бы НЕ пыталась себя украсить... пусть даже столь непривычным образом, как женщины африканских или полинезийских народов?

Взявшись за эксперимент, проведите его честно. Не забудьте, кого вы себе представляете: Гуффи и Плуто, одетых в смешные брючки и умеющих разгав-гав-гаваривать, или реальных, пахнущих псиной псов.

Истина, которую я имею в виду, проста. Если мы решим, будто человек отличается от зверя умом, то их родственная связь хоть и трудно представима, но возможна. Самым человеческим человеком в этом случае становится Шерлок Холмс. Однако логическое мышление – это не единственное... это даже не главное их отличие. Человек и зверь – это не два брата, один посмышленнее, а другой дурак. Человек и зверь – это два совершенно разных мира, а если вы не согласны, то скажите, пожалуйста, что в процессе эволюции возникло раньше – чувство

юмора или чувство меры и были ли эти чувства ведомы обитателям пещер, если единственное, чем они отличались от макак, это умением ловко крошить булыжники?

Конечно, вашу любовь к Родине можно вывести из стремления животного пометить территорию обитания. Ваш восторг при взгляде на Джоконду – из инстинкта продолжения рода. Но из какой такой биологической необходимости могли возникнуть стыд и гордость?.. Чувство брезгливости или ощущение прекрасного?.. А ведь наличие каждого этого свойства гораздо сильнее отличает вас от животных, чем тяга к абстрактному умничанью.

Доказательство того, что разговоры об эволюции лишены смысла, могло бы быть и более простым. Мы ведем речь о происхождении человека от животного? Покажите мне обезьян (дельфинов, лошадей, муравьев, осьминогов, ...), ведущих речь о... не важно о чем... просто ведущих речь... и я поверю, что Бездна мне лишь привиделась.

Мы с вами (люди) ведем эти разговоры. Больше во всей необъятной Вселенной их не ведет никто. Вот и все.

3

Еще день спустя я проснулся на горе Абу – самой священной горе Индостана. В окно светило солнце. Я открыл глаза и долго рассматривал деревянный пол. За время, пока я неподвижно лежал в постели, солнце за окном успело немного отползти влево.

Когда я выходил из отеля, парень с ресепшн предупредил: окна в номере нужно обязательно закрыть. Обезьяны влезают в комнаты и могут разбросать вещи. Ох уж эти обезьяны. Рядом с гостиницей я разглядел надпись SAFE и зашел внутрь. Помыл руки, сел за стол. Мой европейский вид вызвал среди хозяев небольшой переполох. Работники засуетились, побежали искать меню, вспомнили, что у них отродясь не было никакого меню, и заслали к моему столу самого смелого.

Для начала я решил с ним поздороваться и сказал:

– Good Morning!

– Что?

– Good Morning!

Мужчина помолчал, отошел к остальным посоветоваться, а потом вернулся и грустно развел руками:

– Нет.

– Что «нет»?

– У нас не готовят блюда под названием «гудмонин».

Я не стал объяснять, что имел в виду. Сказал, что коли так, то пусть он просто принесет кофе, ладно? После завтрака я пошел осматривать храмы.

В Абу сумасшедшее количество храмов. Перед каждым в пластиковых креслицах сидели жрецы. Некоторые пили чай, другие читали газеты. Вдоль стен, прямо на земле, лежали голые «саду» – святые мудрецы. В каждом священном городе Индии этой публики навалом: голые, с разрисованной кожей, со спутанными волосами, вечно укуренные гашишем и попрошайничающие. Не знаю, как насчет святости, но мудрыми саду точно не выглядят.

Сами храмы производили впечатление очень древних. Из рушащихся стен местами росла трава. Перед входом в самое здоровенное святилище была воткнута статуя быка. Местные уверяли, будто на ее изготовление ушло несколько центнеров золота. Хотя лично я думаю, что бык был медный. Был бы золотой, сами брахманы давно бы его распилили. Внутри храма стояли статуи. Они давно лишились лиц и рук – уцелели лишь ноги и половые органы. Храмовый служитель драил божественные пенисы французским чистящим порошком. Гнусавым голосом что-то напевал себе под нос.

Я побродил по храму. За статуей быка в полу обнаружилось небольшое отверстие. Служитель объяснил, что эта дыра ведет прямо в ад.

– В ад?

– Да. Если вы свалитесь вниз, то окажетесь прямо в загробном мире.

На отверстие в полу я посмотрел более внимательно. Дыра как дыра. Вряд ли очень глубокая. Служитель продолжал драить свои статуэтки. Я спросил, что будет, если кинуть вниз камешек или монетку? Улыбаясь и не прекращая работы, мужчина ответил, что лучше этого не делать. Лет восемьсот тому назад в это отверстие было решено сбросить приговоренного к смерти преступника. То, что он натворил, было столь омерзительно, что судьи постановили не просто казнить подонка, а сразу отправить его в преисподнюю. Мужчину связали, уложили на край отверстия и пинком ноги толкнули вниз. После этого еще две недели из отверстия были слышны крики и стоны. Некоторые смельчаки подходили поближе и спрашивали, что конкретно видит казненный. Он отвечал, что не в силах об этом рассказать, но если бы даже и рассказал, то кто б ему поверил? А потом крики просто стихли.

4

Из Абу мой автобус уходил в четыре утра. На автобусную станцию я прибыл затемно. Прямо на земле там спали люди. Между ними бродили собаки. Иногда они наклоняли морды и лизали спящим лица. Найти свой автобус я не мог долго: названия городов были написаны такими, знаете, смешными индийскими буковками. Помочь мне вызвался дряхлый тонконогий индийский дед.

– На Джойпур? Ты собираешься ехать в Джойпур? Пойдем покажу. Это во-он тот автобус! Да-да! Я точно знаю!

Дед двумя пальцами запихивал себе далеко за щеку какую-то жевательную гадость. Желтые слюни стекали у него по бороде. Ногами он еле шевелил. Поддерживая его за локоть, я помог деду дошагать до автобуса, и только там выяснилось, что старичок – наш водитель. Руки у него дрожали. В кабину он смог залезть лишь с третьей попытки.

Несколько мужчин пытались втащить на крышу автобуса неимоверно огромный тюк. Тот вырывался из рук и валился на землю. Ночью в Индии довольно прохладно. У индусов мерзли уши, и вокруг голов они наматывали тряпочные шарфики. Дед-водитель наконец прогрел двигатель, и мы тронулись. Первые десять минут я смотрел в окно, а потом закинул ноги на сиденье, пристроил под голову рюкзак и заснул.

Места, через которые ехал автобус, называются Раджастхан – Страна Королей. Шестьдесят отдельных княжеств, в каждом из которых правит собственная династия. Мужчинам здесь полагается погибать на поле боя, а их женам – живьем сжигать себя на погребальном костре мужа. До 1975 года центральная власть платила раджам пенсии, чтобы те вели себя смирно, а потом отменила выплаты. Раджи этого даже не заметили. Кое-где они перестроили собственные дворцы под дорожные отели, но от этого не перестали быть раджами. На центральную власть здесь плевать хотели.

До полудня я спал. Потом проснулся и стал смотреть в окно. Ехать было жарко. Постепенно автобус заполнялся раджастханскими крестьянами. Сперва я снял ноги с сиденья, а потом и вовсе уступил место крестьянским детям. Последние километров двести мне пришлось ехать стоя. За окном то и дело попадались повозки: ослик или лошадь, запряженные в деревянную арбу. Картинка никого не удивляла, хотя, на мой взгляд, здесь было о чем задуматься.

Вот человек: он волен запрягать лошадь в телегу. Также он может носить кроличью шубку, доить корову или дрессировать слона. Ему позволено обладать и владычествовать над животными. А животные над человеком – нет, не могут владычествовать. Странной выглядела бы картина, на которой человек вез бы лежащую в арбе лошадь.

С другой стороны, животное может вести себя «со звериной жестокостью» или «жрать, как свинья». Никому и в голову не придет его за это упрекать. А если так же станет вести себя человек, мы сразу поймем: он болен. Что позволено быку, не позволено Юпитеру.

Считается, что когда-то человек был таким же животным, как и все остальные. Просто потом перестал быть. Он изменился. Эволюционировал. Стал лучше. Правда, в чем именно состояло это изменение, понять тоже сложно.

Обезьяны жили в лесу и в ус не дули. Стволы деревьев для них были прекраснее колонн Парфенона. Дождевая вода – вкуснее пепси-колы. Как же могло получиться, что из этих милых животных возникло то, что возникло? Что за катастрофа, черт возьми, должна была с ними произойти?

Мне говорят, будто леса исчезли, а климат похолодал. И вот тут-то обезьяны встали на ноги, распрямили спины, взяли за каменные топоры, и все в таком роде. Мир изменился,

и животные (чтобы выжить) изменились вслед за ним. На мой взгляд, объяснение выглядит жалко, но другого у сторонников эволюции просто нет.

Какое же изменение вызвало в обезьяне похолодание и исчезновение тропических лесов? Обезьянам стало холодно. Резонно предположить, будто они покрылись шерстью, как мамонты и шерстистые носороги. Но человек лыс, словно с рождения предназначен для ношения шуб и кофт. Вкусных и питательных фруктов стало не хватать, и обезьяны стали охотницами. Было бы логично, если бы у них отросли огромные, как у тигра или косатки, клыки. Но человек беззуб, будто с появления на свет питался лишь коврижками и овощными пюре. Леса исчезли, и вокруг растерявшейся обезьяны залегли степи. Сами понимаете: обезьяне следовало бы научиться скакать резвее антилоп. Но человек непроворен, будто уже на заре его существования имелись эскалаторы и мощеные мостовые, по которым можно лениво шлепать подошвами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.